

Глава 4.2

Экран телефона до краёв заполнило море цвета туши. Чёрная, как чернила, морская вода, накатывающая издалека, становилась всё светлее и, ударяясь о сушу, превращалась в сине-зелёный цвет. Сине-зелёная вода без конца выплёвывала белую пену.

Когда он тупо смотрел на набегающие волны, они почему-то казались особенно странными и необычными. Не было видно ни чаек, шёл дождь, было холодно, так что даже человеческие шаги стихли, и только тогда ночное море наконец предстало перед его глазами.

Когда море мягко шевелилось, волны с хрустальным звуком разбивались, и среди этого природного шума слышался голос Кон Пёнхва.

Внезапно Сэбёк остро пожалел, что технический прогресс идёт так медленно.

Эту температуру и влажность, ощущаемые кожей, шум моря, голос Кон Пёнхва, это чувство, которое он не мог выразить из-за своего словарного запаса, пригодного лишь для экзаменационных сочинений, — он хотел вырезать это мгновение и навсегда сохранить его. Потому что завтра, послезавтра, в следующем году, через десять лет он наверняка забудет это ощущение. Если это мгновение не может длиться вечно, он хотел хотя бы вырезать его и сохранить при себе.

Настолько сильно Сэбёку нравилось и ночное море, и дождливый день, и погода с порывами холодного ветра, и Кон Пёнхва, возбуждённый, словно ребёнок.

— Волны просто офигенные.

Кон Пёнхва, будучи самым сентиментальным из всех, щеголял до невозможности скудным словарём.

— Наверное, из-за того, что море с высокой солёностью, волны кажутся белее.

— Да чего ты только не знаешь-то? Ты чертовски умный. Серьёзно. Каждый раз, когда ты говоришь, из тебя так и сочится интеллект.

А из тебя — скудость... Нет, это было достаточно мило, поэтому Сэбёк закрыл рот.

— Раз уж мы здесь, давай прогуляемся.

— Дождь идёт, ты как, нормально?

— Это вообще можно назвать дождём?

— Ого, настоящий мужик.

Настоящий мужик Шин Сэбёк и Кон Пёнхва пошли по безлюдному пляжу. Песок не был вязким, как грязь, и ноги в нём не тонули, но и той особой мягкости, свойственной песчаному пляжу, тоже не было. Было такое ощущение, будто ступаешь по слегка подсохшей после дождя земле.

Они шли в одном направлении по мягкому песку. Кон Пёнхва на мгновение отпустил руку, которую крепко держал, и рванул бегом по песчаному пляжу.

По следам, оставленным Кон Пёнхва, Шин Сэбёк шёл следом, словно подгоняя свои шаги. Будто это была какая-то игра, он опустил голову и зашагал в такт шагам Кон Пёнхва. Шаги Шин Сэбёка ложились точно поверх шагов Кон Пёнхва. Так, довольно долго глядя только на землю, Сэбёк в какой-то момент остановился. Следов, чтобы ступить по ним, больше не было.

Когда он поднял голову, Кон Пёнхва стоял, засунув руки в карманы пальто и широко расправив грудь, и улыбался.

— Я согрелся. Давай скорее в объятия, пока не остыл.

Вместо того чтобы спросить «ты что, ради этого бегал?», Сэбёк молча прильнул к груди Кон Пёнхва. Отчётливо слышался стук сердца.

То ли потому, что он был рад феромонам и теплу тела, смешавшимся с холодным ветром, то ли потому, что ему нравилась улыбка, более освежающая, чем летнее солнце, Сэбёк впервые за долгое время громко рассмеялся.

Волосы беспорядочно развевались под влажным солёным морским бризом, погода была холодной, так что нос и пальцы замёрзли в лёд. Это было зрелище, которое даже в качестве дежурного комплимента никто не назвал бы классным, но лихо смеющиеся уголки губ и сузившиеся, как молодой месяц, глаза выглядели настолько потрясающе, насколько это вообще было возможно.

Кон Пёнхва и Шин Сэбёк, делясь теплом тел, улыбались друг другу. В тихом ночном море смех этих двоих смешался с волнами и разбился.

— Сегодня даже дождя нет, может, немного прогуляемся?

— Давай.

Дождя не было, и для зимы было тепло. Даже теплее, чем осенью десять лет назад. И всё же Кон Пёнхва, как и тогда, протянул руку. Он переплёл пальцы с Сэбёком, засунул их в карман своего пальто и начал их там ворошить. Вскоре рука стала тёплой-тёплой.

Море всё ещё было абсолютно чёрным. Ночью это само собой разумеется, но оно всё равно было абсолютно чёрным.

Говорят, за десять лет горы и реки меняются, но море, похоже, нет. Их одноклассники, которых они увидели впервые за десять лет, конечно, изменились, и книжный магазин, куда они часто заходили, превратился в караоке, а закусочная, которая, казалось, не разорится и после смерти, превратилась в сетевую закусочную.

Он думал, что теперь будет трудно найти следы прошлого, но кое-что неизменное было совсем рядом.

Ночное море. Человек, который пришёл с ним к ночному морю. Человек, который гуляет с ним по ночному морю. Человек, который, когда появляется что-то вкусное, первым делом пытается накормить его, а когда он выглядит замёрзшим, сразу же отдаёт своё тепло. Человек, который надел пальто вместо длинного пуховика, у которого волосы стали чуть короче, а кости стали шире, но в остальном он совсем не изменился. Всё ещё умеющий улыбаться, как мальчишка.

— Вау, волны просто офигенные.

Мой Пёнхва.

Сэбёк снова влюбился. Будто зная об этом чувстве, волны красиво разбивались.

Убедившись, что рука Сэбёка согрелась, Кон Пёнхва вытащил руку из кармана. А затем рванул бегом, увеличивая расстояние между собой и Сэбёком. Похоже, он вошёл во вкус воспроизведения прошлого. Решив подыграть ему, Сэбёк пошёл по песчаному пляжу, где, в отличие от десятилетней давности, следы были отчётливыми. Не то чтобы ноги тонули, но он чувствовал, как песок понемногу проникает в щели ботинок.

Когда расстояние между Кон Пёнхва и Шин Сэбёком сократилось ровно до одного шага, Сэбёк, глядевший только на землю, поднял голову. Кон Пёнхва с нахальной ухмылкой широко расправил грудь.

— Чего стоишь? Не хочешь прильнуть к широкой груди мужа?

— Что ты несёшь.

— О, только что рифма была убойная. Может, станем хип-хоп парой?

— Да ну тебя, правда.

Кон Пёнхва, хихикая, заключил Сэбёка в объятия.

— Это чертовски приятно. Потому что я отчётливо чувствую, как ты пришёл ко мне.

Неумелые любовники, которым приходилось украдкой выжидать момент для поцелуя, теперь стали довольно зрелой супружеской парой и могли понимать друг друга без слов. Именно сейчас. Губы, хранившие зимнюю температуру, быстро нагрелись от тепла тел друг друга.

— А, чёрт. Тебе очень холодно? Может, зайдём в кафе? Нет, давай зайдём в кафе. Всё тело как ледышка. Ой-ёй.

Кон Пёнхва суетливо тёр руки. Он прикладывал жалкое тепло трения к щекам Сэбёка и разводил суету по полной.

— Нор...

Не успел Сэбёк сказать «нормально», как Кон Пёнхва уже надел на него своё пальто, сделал из него человеческий кимпаб и, не удовлетворившись этим, потащил его в ближайшее кафе. Сэбёк, у которого не было с собой денег, потому что его вытащили в спешке, лишь твердил с типичной для отличника робостью, что нужно скорее возвращаться.

— Согреемся и пойдём. Ой-ёй, у тебя все волосы замёрзли.

Кон Пёнхва заказал два тёплых напитка и мороженое. Зачем мороженое в такой холод?

Посетителей почти не было, так что напитки приготовили быстро. Кон Пёнхва, расторопно притащивший заварной латте и клубничный чайный латте, а также йогуртовое мороженое, в конце концов ещё и встретился взглядом с бататовой крем-вафлей в витрине и прихватил её тоже.

То, как он заботливо вытирал волосы Сэбёка прядка за прядкой салфеткой, было весьма усердным и трогательным, но в то же время напоминало, как обезьяны выискивают друг у друга, и от этого было немного стыдно.

— Тебе сегодня ночью нужно спать, так что ты сделаешь только один глоточек.

Кон Пёнхва, осторожно зачерпнув ложкой верхнюю часть заварного латте и поднеся её ко рту Сэбёка, делал одолжение кофеином. Сэбёк съел, потому что дали, но... ах... Вообще-то этим стоило хвастаться? Вкусно же? Оказалось настолько вкусно, что клубничный чайный латте показался немного пресным.

— Ха... Вообще-то я не собирался разрешать тебе мороженое в такую погоду, но говорят, что это их фирменное блюдо, так что только один кусочек.

За кого он вообще его принимает, за хрустального человека? На этот раз он хвастался мороженым.

— ...

И мороженое тоже было таким, что этим стоило хвастаться. Это что, ресторанный гид? Не настолько, чтобы так суетиться, как Кон Пёнхва, но оттого, что было холодно и он пил тёплое в тепле, тело приятно размякло до такой степени, что хотелось растечься. Однако, к сожалению, кафе скоро закрывалось, а неблагополучные ученики Кон Пёнхва и Шин Сэбёк, совершившие самовольную отлучку, должны были вернуться в общежитие, чтобы совершить идеальное преступление.

Став взрослыми, Кон Пёнхва и Шин Сэбёк уже не обязаны были возвращаться в общежитие. Им не нужно было нервничать из-за того, что не могут поймать такси, и не нужно было оглядываться на взрослых.

— Я сказал дворецкому Хвану. Переночуем здесь, а завтра утром выедем.

— Ладно. Завтра я поведу.

— Да ладно тебе. Это же я свернул не туда и устроил дальнюю поездку, так что тут такого. Я и поведу. У тебя наверняка накопилась зверская усталость? Сделать тебе массаж?

Кон Пёнхва и Сэбёк зашли в ближайший отель. Кон Пёнхва, разминавший затёкшее от незапланированной долгой езды тело, начал усердно массировать плечи Сэбёка. Сэбёк и сейчас часто нервничал, и у него часто затекали плечи. Сегодня он тоже много напрягался, катаясь на аттракционах, и плечи были жёсткими.

— Нужно будет как следует заняться этим после душа. Ты иди мойся первым.

Хотя он немного поспал в машине, но, возможно, из-за того, что не полностью проснулся, усталость ощущалась ещё сильнее. Ему также хотелось поскорее помыться и получить массаж от Кон Пёнхва. Зайдя в душевую кабинку и подставив тело под тёплую воду, он прокручивал в

голове события этого насыщенного дня.

Наверное, завтра в лучшем случае, или в крайнем случае послезавтра, им придётся навестить родителей... Было бы ложью сказать, что ему не страшно и не тоскливо, но всё же ему почему-то казалось, что всё как-нибудь образуется. Говорят, если любишь, становишься похожим, и вот он стал похож на эту бесшабашную позитивную энергию.

«Руки-ноги целы, так что с этим телом я уж как-нибудь прокормлю дочь и мужа».

Настоящий мужик Шин Сэбёк по-мужски встряхнул головой. Наскоро вытершись и запахнув банный халат, он вернулся к мужу, которого был готов прокормить даже чёрной работой (?). Он думал, что тот лежит на кровати и тупо смотрит в потолок, но Кон Пёнхва сидел с серьёзным видом, как Мыслитель.

— Где-то болит?

Когда Сэбёк легонько тронул Кон Пёнхва за плечо, тот вздрогнул. Затем он поднял голову и с пунцовым лицом сказал, словно вздыхая:

— Ха... Это просто бомба.

Что бомба? Сэбёк наклонил голову в недоумении.

— Я не специально выбирал, но так уж получилось.

— Что получилось?

— Ты тоже попробуй почувствовать то, что я. Серьёзно.

Сказав лишь эти загадочные слова, Кон Пёнхва зашёл в ванную. И уже через тридцать секунд Сэбёк смог понять смысл его слов.

— Душ... оказывается, всё видно.

Да, неудивительно, что он сидел скрестив ноги... То, как это было видно — настолько откровенно, нет, словно бы украдкой, дразняще, — делало это ещё более извращённым. Это вообще проектировали в здравом уме? Звук воды, казалось, доносился слишком отчётливо, и чудилось, будто слышно дыхание, которого на самом деле быть слышно не могло.

Теперь он прекрасно понимал, почему Кон Пёнхва сидел, как Мыслитель.

— ...

Сев на кровать в точно такой же позе, как Кон Пёнхва, Сэбёк принялся мысленно перечислять названия динозавров. Стегозавр, аллозавр, сцелидозавр, пахицефалозавр, лесотозавр, трицератопс... За это время, из-за того, что обстоятельства не позволяли, у них накопилось.

Нет, погодите-ка.

А почему я должен терпеть?

Это было просто дело, которое можно было сделать. Настоящий мужик и любитель удовольствий Шин Сэбёк решил впервые за долгое время провести горячую ночь. Судя по состоянию Кон Пёнхва чуть ранее, это было вполне возможно, — нет, он бы даже запрыгал от радости. После родов Сэбёк постоянно зубрил учёбу, чтобы наверстать упущенное, так что Кон Пёнхва приходилось блюсти целомудрие каждую ночь.

«Он терпел такие муки каждый день... Невероятно. Мой муж».

Разве это под силу человеку? Сэбёк только сейчас оглянулся на свою чёрствость.

А тем временем воплощение терпения Кон Пёнхва, закончив душ, вернулся на кровать. Он не стал касаться плеча Сэбёка липкими руками, а ловкими движениями опытного массажиста начал усердно разминать его плечи, распуская мышечные узлы. Чувствуя, как затёкшее тело мягко расслабляется, Сэбёк застонал.

— Приятно?

Он думал, что тот уловит сигнал к горячей ночи, но ни черта, он, как бесчувственный, перевоплотился в профессионального массажиста и начал делать массаж ещё усерднее.

—...Ага. Очень приятно.

Похвала заставляет кита танцевать, а Кон Пёнхва — беситься. Кон Пёнхва и вовсе уложил Сэбёка на кровать и начал массаж ног.

Горячая ночь. Горячая ночь. Горячая ночь... Нужно было подать сигнал, но массаж был слишком приятным. Как ему удаётся нажимать именно на те точки, которые так хороши?

— Ты что, ходил на курсы массажа?

— Я же во всём, что делаю телом, хорош.

Это что, Кон Пёнхва тоже подаёт сигнал к горячей ночи?! Разве в его голосе, когда он говорит, что хорошо во всём, что делает телом, не чувствуется липкость? Шин Сэбёк повернул голову, чтобы проверить настроение Кон Пёнхва, но увидел только его макушку. Казалось, что это просто увлечённый своей основной работой массажист.

— Знаешь.

— А?

Делая вид, что это не так, но будучи с некоторых пор весьма возбуждённым, Сэбёк решил во что бы то ни стало провести горячую ночь сегодня. Если не сегодня, то будет очевидно, что они погрязнут в дне рождения Исыль и приветствиях родителям с обеих сторон.

— Не будем?

— Что именно?

При этих словах Кон Пёнхва остановил руки, а Сэбёк перевернулся. Когда он перевернулся, банный халат распахнулся, и он почувствовал пристальный взгляд, устремлённый на обнажившуюся в разрезе халата кожу.

— Что.. что именно?

Кон Пёнхва откровенно уставился между ног Сэбёка и дважды переспросил.

— Я спрашиваю, не хочешь ли поиграть в интервью.

— А?

Видя, как Кон Пёнхва тупо смотрит на него с выражением «Интервью? Какое ещё интервью?», Сэбёк мягко улыбнулся.

— Мне просто подумалось, не провести ли нам интервью о нашей первой брачной ночи.

— А?

Столкнувшись с внезапной гиперстимуляцией, Кон Пёнхва заглох и начал буксовать. Но вскоре кровь заструилась и в голове, и в другом месте.

— А~ ну да, ну да. Пропустить такое интервью было бы обидно, правда? Серьёзно, если это раскрутить, рейтинги будут просто бешеными. Сплошная гиперстимуляция.

Кон Пёнхва забрался на кровать.

— Но я что-то не очень помню, как это было тогда. Мне нужно дать интервью, а сказать нечего. Какой у нас был первый раз?

— Закон о защите молодёжи суров, и это идёт с пометкой «для взрослых», можно ли мне об этом говорить?

— Тогда давай вместо слов телом наверстаем.

— Ну, я во всём, что делаю телом, хорош.

Настоящий мужик-телесник Кон Пёнхва активно снял халат и продемонстрировал красоту тела.

Глоть.

Его кадык сильно дёрнулся.

Кон Пёнхва слегка поцеловал Сэбёка в кончик носа. Сэбёк тоже поцеловал Кон Пёнхва в веко. Это был сигнальный выстрел, возвестивший начало горячей ночи, которой Кон Пёнхва и Шин Сэбёк так желали и ждали. Их пальцы переплелись, и губы соединились.

Губы, на мгновение соприкоснувшись, оторвались, а затем снова прильнули. Время, когда губы были разлучены, становилось короче, чем время, когда они были вместе, и вскоре они уже не размыкались вовсе. В мгновение ока их тела переплелись.

Кон Пёнхва уткнулся носом в шею Сэбёка и глубоко вдохнул. От густых феромонов у него закружилась голова. Когда он высунул язык и лизнул шею, Сэбёк мелко задрожал. Тело, которое из-за долгого перерыва быстро возбуждалось, было особенно порочным.

Кон Пёнхва, обнимая Сэбёка сзади, взял его член в одну руку. Сэбёк схватил Кон Пёнхва за предплечье.

— Ах, да, ах, мм...

Стон с носовыми нотками не мог быть настолько электризующим. Когда он быстро задвигал рукой вверх-вниз, Сэбёк издал содрогающийся стон.

Кон Пёнхва, покусывая ушную раковину Сэбёка, ускорился ещё больше. Вскоре брызнула белая мутная жидкость, и Сэбёк судорожно задышал. Его грудь сильно вздымалась и

опускалась.

Кон Пёнхва, медленно трогая соски Сэбёка, ухмыльнулся.

— Сегодня ты быстроват. Похоже, возбуждён.

Сэбёк без лишних ответов повернул голову и поцеловал его. Когда лёгкие губы пытались оторваться, Кон Пёнхва снова ловил их, прикусывал и растягивал.

— Хаа, ын...

Из-за упорных движений пальцев, царапающих соски во время поцелуя, из уст Сэбёка без конца вырывались стоны, но Кон Пёнхва поглощал даже эти звуки.

Кон Пёнхва прижал свой до крайности возбуждённый член прямо к члену Сэбёка, чья блестящая от первой эякуляции головка лоснилась. Толстый, вздутый венами член и гладкий, с розоватым отливом член Кон Пёнхва взял в одну руку и начал тереть их друг о друга.

— Хаа, ха, хуу...

Они дышали так возбуждённо, что нельзя было разобрать, чьё это дыхание. Вскоре они кончили одновременно. Сэбёк, быстро кончивший дважды, рухнул на кровать, словно падая. Без малейшей передышки Кон Пёнхва взгромоздился сверху.

— Эй, я, мне тяжёло... давай чуть-чуть отдохнём и продолжим. Головка саднит...

— Теперь головке нечего будет саднить. Нечего. Сэбёк-и на сегодня израсходовал всё, что было впереди.

Кон Пёнхва, с широкой улыбкой, будто и впрямь радостный, легонько постучал пальцем по багряной головке, блестящей от жидкой влаги. Сэбёк, чувствительный даже к малейшим раздражителям, вздрагивал плечами и задыхался.

— Всё остальное сделает тебе хён.

— Какой ещё хён, ах...!

Слова «какой ещё хён» не смогли вырваться. Рука Кон Пёнхва, медленно гладившая ягодицы, раздвинула плоть. Толстый палец, тёршийся вокруг отверстия, из которого обильно сочилась смазка, медленно проник внутрь.

— Ну и ну, похоже, ты сильно возбуждился. Сегодня много жидкости. Мне кажется, у меня пальцы стали сморщенными.

— Ах, да ну тебя!

— Уым. А что, приятно же.

Каждый раз, когда Кон Пёнхва шевелил пальцем, раздавался хлюпающий влажный звук. Не было времени смущаться из-за того, как он царапал чувствительную внутреннюю плоть, Сэбёк трепетал. Каждый раз, когда он надавливал на приятное местечко, томительный стон застревал в горле.

Кон Пёнхва, казалось, был доволен корчащимся под ним Сэбёком и напевал себе под нос. Чувствуя, что страдает только он один, Сэбёк поднял ногу и царапнул по члену Кон Пёнхва. Словно никогда и не улыбался, Кон Пёнхва сделал серьезное лицо и низким голосом сказал:

— Ах, не дразни меня. Seriously.

— А что я сделал.

— Я хотел бы, чтобы ты понял, что я сдерживаюсь, чтобы не вставить и не трахнуть тебя.

Ах... Это, кажется, немного трудновато. Сэбёк незаметно убрал ногу. Не надо зря дразнить.

— Надеть на тебя презерватив?

—...Ага!

Кон Пёнхва ответил, тяжело дыша.

Нравится? Сэбёк, кажется, мог понять это и без вопроса, поэтому, подавляя смех, стал искать презерватив. Кажется, он видел их только что? Он пошарил по прикроватной тумбочке, но ничего не попадалось.

— Не вижу презервативов.

— Ах, точно! Я от скуки сделал из них водяные бомбочки.

— ...

И что же теперь делать?

Кон Пёнхва в спешке рылся в сумке.

— Да нет, всё равно ими нельзя было пользоваться. Они были слишком маленькими, да и... Эй, Сэбёк, ты ещё...? А? Ах, чёрт, куда они делись? Подожди. А!

Его растерянный вид был забавным, но в то же время немного жалким.

— Нашёл! Нашёл!

Наконец отыскав презервативы, Кон Пёнхва с криком «Эврика!» прибежал обратно и высыпал их на кровать.

— Ты... носишь их с собой коробками?

Он даже в парк аттракционов ходит с презервативами? Это оказалось более основательным, чем он думал, и Сэбёк опешил.

— Да нет, просто на всякий случай... Разнообразия в размерах ведь особо нет. В нашей стране.... А презервативов для альф и того меньше, поэтому, когда я покупаю их один раз, получается купить сразу много.. В целях бережливого и разумного потребления...

Он его не упрекал. И правда, размер, который сразу плотно обжимает, как только надеваешь, встречается довольно редко.

Сэбёк поставил коробку с презервативами на прикроватную тумбочку и вскрыл один. С членом, всё ещё стоящим торчком, надеть презерватив было несложно. Нет, скорее, было немного трудно, потому что он слишком уж лоснился. Мышцы на бёдрах Кон Пёнхва дёрнулись.

Сэбёк уложил Кон Пёнхва на кровать и забрался сверху.

— Ах, с ума сойти. Гиперстимуляция. Буду жить праведно.

Закрыв рот рукой, Кон Пёнхва был в восторге. Сэбёк на мгновение пожалел, что зря залез сверху, но от Кон Пёнхва, который тёрся промежностью, покачивая бёдрами, он быстро завёлся. Красивое лицо, улыбающееся под ним снизу, жесты, лишённые хладнокровия в отличие от этой усмехающейся физиономии, всё это возбуждало его.

— Хыын... ым, хаа, быстрее, Сэбёк. А?

Надтреснутый голос, толстая плоть, ощущаемая в ложбинке между ягодицами, дразнящие прикосновения рук, которые то сильно сжимали вокруг пупка, то тёрли, и томный, но жаждущий его взгляд, от которого перехватывало дыхание, — когда он всё это видел, ему казалось, что где-то в уголке груди всё плотно заполняется до краёв.

Сэбёку безумно нравилось это выражение лица, которое Кон Пёнхва показывал только ему. Это можно было назвать чувством превосходства.

Сэбёк наклонил голову, поцеловал Кон Пёнхва и двинул бёдрами. Он почувствовал, как головка коснулась его отверстия. Хотя, возможно, за это время они делали это сотни, а может, и тысячи раз, головка размером с детский кулачок каждый раз перед введением вызывала изрядное напряжение.

Медленно опуская бёдра, он постепенно поглощал член Кон Пёнхва. Чувствовалось, как Кон Пёнхва, низко постанывая, рвал простыни на кровати. С трудом проглотив туго входящий член, он на мгновение остановился. Немного передохнуть, пока он не привыкнет...

— Ах! Ын! Ах, ы, ах, дай, подо, подожди, хыт!

— Ыын, извини.

Кон Пёнхва, держа Сэбёка за талию, задрал бёдра вверх. Толстый член заскрёб по внутренним стенкам, грубо вбиваясь внутрь.

— Ыын, это потому что сли-ишком долго не было, ын, извини-и.

Ты сейчас не извиняешься! Это не то, что делает человек, который извиняется! Сэбёк не мог даже возразить и сотрясался так, как сотрясал его Кон Пёнхва.

Дрожа от сильного наслаждения, будто он получал удары кулаком по простате, он лишь беспрерывно источал прозрачную жидкость.

Кон Пёнхва был расстроен, что упустил возможность в кои-то веки насладиться позицией, где Сэбёк сверху, но ничего не мог поделать. Говорят, жаждущий сам роет колодец, но Кон Пёнхва не просто жаждал — он был на грани того, чтобы превратиться в мумию. Для такого человека давать росу с Сэбёка, которую мог бы вкушать разве что эльф, было скорее пыткой. Он бы просто вставил два литра прямо в пищевод, без всякой возможности смаковать.

Кон Пёнхва сосал соски упавшего на него сверху Сэбёка и продолжал вбивать бёдра вверх. Внутренние стенки туго сжимали его член.

Когда Кон Пёнхва смотрел на Сэбёка, у него всегда чесалось. Даже зная его больше двадцати лет и встречаясь десять лет, его грудь всё ещё чесалась, когда он смотрел на лицо Сэбёка. А

когда они, раздевшись до гола, соприкасались телами, у него чесались зубы. Казалось, он превратился в щенка, скрежещущего зубами. Будто у него была одержимость, при виде шеи Сэбёка ему всегда хотелось сосать и прикусывать её. К счастью, каждый раз Сэбёк не пугался и не выказывал отвращения, а усердно наслаждался.

— Ах! Ын! Ын...!

Как сейчас.

Кон Пёнхва ещё больше возбуждался от безостановочных стонов Сэбёка и продолжал двигать бёдрами. Каждый раз, когда он задирает бёдра вверх, внутренняя плоть сжималась всё сильнее, и он забывал даже, как дышать, без конца качая бёдрами. Когда он начал вонзаться в то самое место, которое сначала зудело, а потом бурлило в животе, вскоре талия Сэбёка выгнулась.

Комната наполнилась смесью звуков шлёпающей плоти и стонов. Казавшиеся предельными по скорости движения бёдер стали ещё быстрее, и вскоре перед глазами словно всё побелело.

Сэбёк вцепился в Кон Пёнхва и обхватил его талию ногами. От резкого, быстрого наслаждения, вбивающегося вверх, его тело мелко трепетало. Никто не был первым — они кончили одновременно, и Кон Пёнхва рухнул на Сэбёка.

Сквозь соприкасающуюся кожу слышался стук сердца. Сердце колотилось, будто они пробежали стометровку, феромоны, чувствовавшиеся до головокружения, и Кон Пёнхва, приносящий чувство удовлетворения, не выразимое словами, — всё это переполняло Сэбёка.

Сэбёк переводил дух, обнимая Кон Пёнхва. Тяжело дыша, Кон Пёнхва тёрся губами обо все места, до которых мог дотянуться, и высовывал язык, чтобы лизать. Горячая влажная плоть касалась ключиц, шеи, набухших сосков. Места, где проходили губы, чесались и наливались жаром.

Когда они исступлённо поглощали друг друга, было хорошо оттого, что возбуждение и электризирующее наслаждение не давали опомниться, а когда наслаждались послевкусием, было хорошо оттого, что всё чувствовалось ярко и стабильно.

Кон Пёнхва завязал презерватив, кое-как швырнул его в мусорное ведро и достал ещё один.

— Опять?

Его успевший охрипнуть голос безвольно вырвался наружу.

— Не волнуйся. Я всё сделаю сам. Тебе, правда, можно совсем ничего не делать.

Трахают-то меня, что значит «ничего не делать»? Долбят-то меня, гад такой.

— Уым, я тебя люблю.

Чмок-чмок-чмок-чмок.

Дождь поцелуев был щекотным, но он уже кончил три раза... Признание в любви с трудом...

— Сэбёк-а.

—..А?

— Я тебя правда люблю.

Чмок.

— И я тебя люблю...

Вполне получилось.

Кон Пёнхва встретил утро, которое было на редкость мирным и прекрасным. Мир не мог быть таким красивым. Гремел гром, шёл небольшой дождь, и этот дождь слегка замерзал, превращаясь в мокрый снег, так что с неба сыпалась какая-то дрянь, но всё это было невероятно красиво.

— Любимый, вставай. Время снятия подходит к концу.

— Продли.

— Кья! Твой голос такой сексуальный.

Кон Пёнхва, вкусившему рай, Сэбёк обратился с просьбой голосом, будто он выкарабкался из ада. Что же такое человеческое желание, сексуальное желание? Говорят, невежество храбро, но сексуальное желание — это сильное желание, ослепляющее даже знание.

«Я же знал, что так будет».

В тот момент, когда он поднял тело с кровати, ему показалось, что поясницу переломило и тело вот-вот развалится на две части, и Сэбёк ползал по кровати.

— Милый, мне вчера было так хорошо.

Смотреть на Кон Пёнхва, который сиял глазами и краснел лицом, словно влюблённая девушка, было немного досадно, но он подумал, стоит ли придавать значение такой мелочи, как боль в пояснице.

— Вчера ты был просто зве-е-ерь. Ахын.

Нет, досада была весьма сильной. Зверь-мужчина Шин Сэбёк подавил своего внутреннего демона и принялся за обслуживание в номере.

— Что ни говори, а это хорошо.

— И не говори.

Вдвоём они пили тёплый кофе и любовались зимним морем под дождём. То, что было похоже на мокрый снег, теперь полностью растаяло и стало дождём, оставляя следы на окне. Мирный миг. Они всегда ждали таких дней.

Кон Пёнхва и Шин Сэбёк, в Америке они были очень, очень счастливы, но вместе со счастьем всегда жила и тревога. Насколько счастливы, настолько же и напуганы. Вдруг однажды появятся родители и прикажут расстаться? Вдруг кто-нибудь из них внезапно умрёт? Вдруг их выгонят из дома без гроша?

Когда Сэбёк был беременн Исылъ, ему было очень страшно, что его заставят сделать аборт. Родители отправили его учиться, а он вместо этого сожительствовал с любимым, устроил добрачную беременность, женился, родил — сделал всё, что могло расстроить родителей, и теперь, когда его спрашивают, не страшно ли ему, ему, честно говоря, нечего ответить....

Если их выгонят из дома без гроша, он видел своё будущее, где придётся работать на чёрной работе, но будущее, где он расстанется с Кон Пёнхва и живёт дальше, он представить не мог.

Лучше смерть, чем расставание!

Он не знал, было ли это мышлением в духе декадентского романтика конца века, но в последнее время такие мысли иногда посещали его. Потому что расстаться сейчас было невозможно. Им оставалось только столкнуться с этим вместе.

— К кому первому пойдём?

Вернувшись в Сеул, они мучились над главным событием сегодняшнего дня — визитом к обоим семьям.

— Говорят, в таких делах сначала идут в дом жены.

— Для меня твоя семья — это дом жены.

Проблема была в том, что они оба мужчины.

— Давай, как полагается, решим честно на «камень-ножницы-бумага».

Когда Кон Пёнхва сделал уместное предложение, Сэбёк сразу ответил:

— Я выбрасываю камень.

— Ах, не играй в психологические игры.

Кон Пёнхва, ни разу не выигрывавший в психологической борьбе на «камень-ножницы-бумага», заскулил. Видимо, они и правда были рождены друг для друга, потому что игра без психологического давления всё не заканчивалась. Терпение Исылъ лопнуло вместе с плачем из-за бесконечных «камень-ножницы-бумага».

В конце концов, Кон Пёнхва, получив от дворецкого Хвана хорошего тумака по спине, пустив скупую слезу, решил зайти сначала в тот дом, что ближе.

Они заехали в универмаг и купили хану — корейскую говядину, дикие сосновые грибы, специально отобранную корзину с фруктами высочайшей сахаристости, а также добавили ещё несколько подарков с учётом личных предпочтений.

— Не стоило покупать так много.

— Эй, надо же идти с полными руками подношений-взятков, тогда, может, кулаки у них ослабнут.

— Мой отец людей не бьёт.

Для Кон Пёнхва, который уже был морально готов к побоям, это были страшные слова.

— Тогда он не забьёт меня до смерти словами?

— Н-не думаю, что убьёт....?

Уверенности не было.

Оглядываясь назад, отец Сэбёка всегда был таким. В отличие от отцов в других семьях, он никогда не брал в руки плётку, не заставлял стоять на коленях с поднятыми руками. Даже ни разу не повышал голоса и не запугивал.

Конечно, отчасти это было связано с тем, что Сэбёк сам по себе был очень послушным, беспроблемным ребёнком, но председатель Шин по своей натуре никогда не совершал действий, которые можно было бы назвать чрезмерным воспитанием.

И всё же для Сэбёка отец всегда был трудным и страшным существом. От него исходила харизма, заставлявшая людей без причины оглядываться и чувствовать себя принижёнными. Теперь, оглядываясь назад, он думал, не было ли это бессознательной робостью из-за того, что его отец — альфа.

— Допустим, с тестем всё так, а что насчёт тёщи?

— Моя мама — ангел во плоти. Королева поддержки мужа, и я говорю это не потому, что она моя мама, но она правда очень ласковая и добрая. После того как я проявился как омега, она стала немного более чувствительной, но всё равно не будет на тебя ругаться или что-то в этом роде.

Кон Пёнхва вновь занервничал. Как он и всегда замечал, уже в том, как Сэбёк называл своих родителей, чувствовалась дистанция.

Маму он звал «мама», а папу — «отец»? В наше-то время называть папу «отец»? Что это вообще за семья? Конечно, может, так и правильно, но на дворе какой век. Все его сверстники до сих пор зовут отцов «папа».

Для Кон Пёнхва, который сам до сих пор звал отца «папа», обращение «отец» было чем-то из совершенно другого класса.

«Он что, конфуцианский учёный?»

На всякий случай, Кон Пёнхва, который прошлой ночью проштудировал «три устоя и пять добродетелей» и «Мёнсим богам», порылся в самых дальних уголках памяти и припомнил отца Сэбёка.

Воспоминания были старые, но это был взрослый, которому ну совсем не хватало человеческого тепла. Казалось, он не умеет улыбаться, и выглядел раздражительным. Такой человек, который, встав утром, на голодный желудок пьёт кофе и, кажется, читает англоязычную газету. Таким Кон Пёнхва представлял себе отца Шин Сэбёка.

«Честно говоря, уверенности нет».

Казалось, он человек рациональный и разумный, но, судя по официальным интервью, был весьма консервативен.

«Говорят, что после того, как наш Сэбёк проявился как омега, он на него даже не смотрел».

Признает ли человек, который не хотел признавать, что его собственный сын — омега, дочь Сэбёка — Исылъ? Кон Пёнхва сам знал, что его голова — это цветущий сад иллюзий, но в этот раз, сколько бы он ни думал, картина не рисовалась в хорошем свете.

«Наихудший сценарий — внезапная смерть в автокатастрофе...»

Представив, как его сбивает внезапно появившийся самосвал, Кон Пёнхва решил прекратить этот дорамный сценарий. Как бы ни процветали интриги и предательства в семьях чеболей, разве они убьют чужого драгоценного ребёнка?

«Ага. Ага. Убийство — это реальный срок. Подстрекательство к убийству — тоже реальный срок».

Мудрый председатель Шин, кажется, не стал бы заниматься такой мелочью, как заказное убийство. Может, он просто исключит его из семейного реестра?

«Разве это не супервыгодно?»

Нет, не так. Кон Пёнхва яростно затряс головой. Если так оборвать родственные связи, разве Сэбёк будет этому рад? Он хотел уладить всё по-хорошему.

— Есть что-то, на что мне нужно обратить особое внимание?

Хотя это было чрезвычайно трудной задачей.

Наконец они прибыли.

Кон Пёнхва про себя ещё раз повторил меры предосторожности. О доброй тёще можно было сильно не беспокоиться — достаточно было вести себя предельно учтиво, а со строгим тестем...

Сэбёк, который и во сне не мог представить, что Кон Пёнхва застыл от напряжения и приводил в порядок мысли, без всякого снисхождения сразу нажал на дверной звонок.

— Кто там?

<http://bllate.org/book/17004/1618504>